

ВНУТРИСЕМЕЙНАЯ СИТУАЦИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СИМПТОМА "ПОТЕРИ ЧУВСТВ"

Ю.Е.АЛЕШИНА*

В статье обсуждается случай психоаналитически ориентированной психотерапии. Описывается материал первых трех месяцев работы. Предметом анализа является «симптом потери чувств», проявившийся у пациентки как ощущение своей холодности и невнимательности по отношению к близким. Показано, каким образом структура детской ситуации пациентки выступила как основа формирования этого симптома, а также наглядно продемонстрированы особенности его проявления в рамках переноса. Работа представляет собой попытку углубления психоаналитических представлений об особенностях взаимоотношений матери и дочери. Она также содержит некоторые данные относительно этнокультурной специфики этих отношений.

Взаимоотношения матери и дочери – «избитый» сюжет для современного психоанализа (см.: Little, 1972; Chodorow, 1978; Friedman, 1980 и др.). З.Фрейд (Freud, 1925, 1931) в последних работах указывал на разработанность своей концепции преимущественно по отношению к мужчинам, на сложность и противоречивость положения девочки по отношению к ее родителям и большую зависимость ее от матери. Изучение роли матери и материнского влияния представляется особенно актуальным для русской культуры, имеющей, как указывают многие авторы, специфическую базовую феминную ориентацию (см., например, Бердяев, 1918).

В данной статье рассматривается достаточно часто встречающийся в психотерапевтической практике симптом «потери чувств», возникающий у пациенток в особой семейной ситуации, во многом типичной для русской семьи, где на уровне внутрисемейного взаимодействия непомерно

* *Алешина Юлия Евгеньевна* – канд. психол. наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ.

велико и обширно материнское влияние (*Алешина, Волович, 1990*). Сам по себе этот симптом может быть представлен пациентом очень по-разному, о нем может зайти речь в самом начале психотерапевтической работы, или он может внезапно обнаружиться при обсуждении совсем других проблем. Иногда пациент рассказывает о потере чувств с гордостью, как о некоем достоинстве, умении сдерживаться и быть объективным по отношению к людям, но обычно это звучит как жалоба: «Я не знаю точно, как к кому я отношусь, мне кажется, я никого не люблю по-настоящему, иногда я думаю, что мне никто не дорог». В такого рода жалобах речь идет чаще всего не о потере чувств вообще, а о потере позитивных чувств, переживаний любви и привязанности по отношению к близким. Особенно интересно, что подобная жалоба, по крайней мере в моей психотерапевтической практике, встречается в основном у женщин, которым чувства любви и привязанности, казалось бы, должны быть наиболее присущи. Данная статья является попыткой на примере конкретного случая психоаналитически ориентированной терапии показать, как особенности семейной ситуации и взаимоотношений матери и дочери формируют данный симптом.

Выбранный мною случай представляется интересным не только потому, что он типичен. Возможно, в связи с тем, что данная пациентка была интеллектуально необычайно одарена, или же оттого, что она изначально была хорошо знакома с психоаналитической теорией, описываемый симптом ярко проявился уже на самых первых этапах терапии, когда количество информации, которым оперирует психотерапевт, еще невелико и довольно легко выстраивается в определенную структуру. Именно эта возможность структурировать материал, то есть проследить, как в процессе психоаналитической терапии открываются новые подробности, позволяющие достаточно четко описать пути формирования указанного симптома в зависимости от особенностей эдиповой ситуации пациентки, и определила выбор именно этого случая. Приводимый ниже материал относится к первым трем месяцам работы с пациенткой, когда удалось довольно полно, на мой взгляд, проследить, как складывался и функционировал этот симптом. Работа с этой пациенткой продолжается теперь уже три года и идет по целому ряду направлений. Особенности, описанные здесь и проявившиеся в самом начале психотерапии, полностью подтвердились и углубились в ходе дальнейшей работы.

Моей героине, назовем ее Олей, в момент начала терапии было 24 года. Она была выпускницей философского факультета Московского государственного университета. Среди мотивов ее обращения наряду с жалобами был и интерес к психоанализу, желание ознакомиться на собственном опыте с тем, о чем она много думала и читала. Наши занятия с Олей начались в мае, затем последовал почти двухмесячный летний перерыв, имевший, как мы увидим дальше, немалое значение для хода

терапии. Период, к которому относится мое описание, заканчивается примерно серединой октября. Встречи наши были достаточно регулярными: мы виделись, как правило, по два раза в неделю.

Вначале немного биографической информации. Оля родилась и выросла в крупном городе. Ее отец преподавал философию в высшем учебном заведении, мать всю жизнь проработала в областном издательстве. Оля – второй ребенок в семье. Ее старшая сестра – дочь матери от первого брака. Разница в возрасте составляет семь лет. Когда Оля пошла в первый класс, ее отец получил предложение возглавить кафедру философии в одном из городов центральной полосы России. Как считает Оля, решение о переезде было принято совместно обоими родителями. Отец уехал первым, чтобы оборудовать квартиру, обжить место перед приездом семьи. Но затем мать начала откладывать отъезд под различными предлогами и в конце концов заявила, что она с дочерьми никуда не поедет. В сущности, это решение ни для кого не стало неожиданностью, поскольку отношения родителей, как вспоминает Оля, всегда были напряженными. Отец и мать вскоре развелись, и Олина связь с отцом на несколько лет была практически прервана, пока она, став старше, не начала ездить к нему сама на каникулы и праздники. Оля окончила школу с отличием, приехала в Москву и поступила в университет. Когда она была на третьем курсе, отец заболел и довольно скоро умер. На пятом курсе она вышла замуж. После окончания университета поступила в аспирантуру, затем родила ребенка и потому была вынуждена на время оставить учебу. Именно в этот период начались наши с ней занятия. В то время как она взяла академический отпуск, муж, ее однокурсник, дописал диссертацию и окончил аспирантуру в срок.

К моменту возобновления занятий в аспирантуре Олиному сыну было 1,5 года, и ей приходилось отдавать ему много сил и внимания, поскольку мальчик довольно часто болел. Тем не менее, Оля старались как могла «не отстать от жизни» и даже выполняла кое-какую полутехническую работу по одному из научных договоров в университете.

Олю можно, несомненно, отнести к категории «хороших» пациентов: она, как уже отмечалось, очень умна, практически не опаздывает и не пропускает занятия, записывает сновидения и т.д. Проблемы, предъявленные ею на первой встрече, были многочисленны, но, пожалуй, ни одна из них не была четко очерчена. Так, она жаловалась на то, что ей бывает трудно начать задуманное дело, что она иногда срывается и кричит на ребенка, много злится на людей без всякого повода, с трудом принимает решения и т.д. Среди других жалоб прозвучала и та, исследованию которой посвящена данная статья: «Я никого не люблю достаточно сильно, думаю прежде всего о себе, мало помогаю мужу с диссертацией, плохо забочусь о ребенке».

Первые же занятия подтвердили предположение о том, что эта претензия Оли к себе базируется на ее раннем опыте. Мать Оли всегда

была необычайно требовательной и доминантной по отношению к ней. Память Оли почти не сохранила воспоминаний о совместных играх или развлечениях с ней. Но зато она хорошо помнила, как мать «воспитывала» и ругала ее. При этом любой ее поступок: позднее возвращение домой, плохая оценка в школе, невыполненное поручение – воспринимался матерью как признак того, что Оля никого не любит и думает только о себе. Мать была наиболее влиятельной фигурой в семье, она не только следила за тем, что и как делают дети, направляла их, постоянно ориентируя на успех, но и принимала все важнейшие решения, организуя семейную жизнь и выступая как наиболее авторитетный эксперт по любым вопросам.

Интересна и весьма типична для современной русской семьи роль отца Оли. По ее воспоминаниям, он никогда не был так же важен в доме, как мать; в сущности, он всегда был несколько в стороне от семьи, не беря на себя никаких особых функций по отношению к дому и детям. В то же время именно с ним связаны наиболее теплые воспоминания пациентки о детстве: совместные прогулки, чтение книг и т.д. Интересно, что в ходе наших первых встреч Оля утверждала, что его влияние на нее по сравнению с влиянием матери было ничтожным.

Вскоре вскрылся немаловажный для анализа факт: чаще всего обвинения Оли в эгоизме, высказываемые матерью, были связаны с именем отца. Она так и говорила: «Ты так же черства и эгоистична, как твой отец». Тот факт, что отец уехал в другой город и не вернулся после того, как мать решила не ехать туда вслед за ним, преподносился детям как свидетельство его эгоизма.

Начав работать с Олей, я вскоре убедилась, что переживания по поводу собственной «плохости» (как она выражается) и отсутствия должных позитивных чувств по отношению к близким постоянно преследуют ее. Она была преисполнена чувства вины перед всеми, кто окружал ее и с кем ей приходилось иметь дело: перед мужем, ребенком, друзьями. Но очень скоро выяснилось, что наибольшее чувство вины она испытывает перед матерью. Прояснению этого факта в значительной мере способствовало то, что на четвертой неделе наших занятий в Москву в командировку приехала Олина мать. Здесь она внезапно заболела и оказалась в больнице. Оле довольно долго пришлось ухаживать за ней. Рассказы о сегодняшних отношениях с матерью и ссорах с нею в детстве имели много общего, и вскоре мне яснее стала их удивительная особенность – это были скорее рассказы не о вине Оли перед нею, а описания того, какая плохая у нее мать, какие глупые поводы для обвинений она выбирает, насколько она придирчива и т.п. Так, например, описывая, как она заботится о матери, Оля говорила, что никогда не опаздывает в больницу, приходит точно в часы посещения больных, всегда покупает самые свежие фрукты и овощи и тому подобное. Мать же постоянно обвиняет ее в том, что она опаздывает, считает, что ей

приносят недостаточно свежую еду и т.д. Вскоре я поняла: ее повествования об отношениях с мужем и ребенком имеют схожий оттенок – рассказывая о своей «вине», она сообщала, в сущности, что по-настоящему ее не любит и не ценит никто. На основании того, как Оля об этом говорила, у меня стало складываться впечатление, что я имею дело с ситуацией переноса: этими рассказами Оля стремится завоевать мою любовь. Но тогда возникает следующий вопрос: какая роль в этой психотерапевтической ситуации отведена мне, кого представляю я в ситуации переноса? В сущности, рассказы пациентки как бы противоречили ее первоначальной жалобе на потерю чувства любви. В них она оказывалась человеком заботливым и любящим, но не получающим ответной любви со стороны близких.

На этом этапе анализа очевидными выглядели два момента: во-первых, Олино недовольство матерью и тем, как она упорно по любому поводу критикует ее, и, во-вторых, несомненное значение, которое Оля придает отношениям с матерью, во всем ощущая свою зависимость от нее, и желание вопреки материнским оценкам доказать, что она не эгоистка и любит мать. Довольно скоро эта тема стала предметом одного из наших занятий. Так, отвечая на вопрос, почему ей так важно доказать матери, что она ее любит, Оля сказала: «Никого не любить – ужасно. Это мрак, а не человек. Если никого не любить, то лучше не жить». Вслед за этим последовал целый ряд детских воспоминаний о том, как бабушка – мать Олиной мамы – укоряла ее за то, что та родила Олю, говорила, что не нужно было заводить второго ребенка, что, мол, и без него трудно, что этот ребенок никому не нужен и т.п. Затем выяснилось: и сама мать Оли не раз говорила ей в момент ссор, что жалеет о ее рождении, что Оля никого не любит, а такая дочь ей не нужна. (Интересно, что, по воспоминаниям Оли, претензии, высказываемые матерью к старшей дочери, носили примерно такой же характер и поэтому не служили серьезным основанием для развития конкуренции между сестрами.)

Таким образом, в сознании пациентки любовь к матери оказывалась тем, что дает право на жизнь. Доказать матери свою любовь – значило для Оли доказать, что она имела право родиться. Любые же претензии матери к Оле, а особенно обвинения в равнодушии и эгоизме в контексте сожалений по поводу появления дочери на свет, оказывались попытками лишить ее права на существование, т.е. символически умертвить ее. Несомненно, что эта тема любви и смерти имеет огромное самостоятельное значение, но, поскольку она в данный момент не является основным предметом моих изысканий, я вернусь к проблеме Олиных чувств. К разгадке ее «равнодушия» мы подошли гораздо ближе, когда встретились с Олей после летнего перерыва. Нашей первой встрече предшествовало некоторое событие, которое также послужило материалом для анализа. В связи с тем что я заранее не могла назвать Оле точную дату нашей встречи, мы договорились, что она будет звонить мне

сама в определенный день. Но в назначенный день она не позвонила. Прошло больше недели, прежде чем я услышала ее голос. Придя на нашу первую после каникул встречу, она сказала, что ей было очень трудно позвонить мне. Две вещи мешали Оле: страх, что я забыла о ней, что у меня нет времени и я не захочу с ней заниматься, и стыд, что она не выполнила данное ей на лето задание. Обычно я прошу пациентов записывать свои сновидения, особенно летом, когда занятий нет. Оля же летом не записала ни одного сновидения. Единственный сон, который она запомнила, приснился ей непосредственно перед нашим занятием и был по содержанию очень простым. *Происходит отбор людей куда-то, скорее всего для того, чтобы с ними в дальнейшем занимались психотерапией. Людей очень много. Оля знает, что у нее много шансов победить, но она решает быть хорошей и уступить свое место другим. Она отказывается от участия в конкурсе. Отбор завершился. Все прошли. Она осталась одна. Чувствует себя несчастной, одинокой и горько плачет.*

Из пояснений к сновидению выясняется, что «люди» – это мои пациенты, и, таким образом, происходит отбор наиболее достойных для занятий со мной. В этом сновидении ясно звучит тема «хорошести», Олино желание стать хорошей, даже ценой жертвы. В плане интерпретации переноса возникает вопрос, перед кем ей в действительности хочется быть хорошей, став хорошей в моих глазах. Не менее важен и другой вопрос – почему ее стремление быть хорошей приводит к необходимости жертвовать тем, что ей дорого, и в итоге к одиночеству? За этим сновидением ясно просматривается цепочка поступков и событий: *стремление быть хорошей – потеря кого-то важного – одиночество.*

Когда я попросила Олю вспомнить, в каких реальных жизненных ситуациях она, стремясь быть хорошей, теряла что-то важное для себя, пациентка надолго замолчала. Эта пауза была неожиданно длительной. Когда же по прошествии продолжительного времени я спросила ее, что с ней происходит, она ответила, что у нее «ступор» и она ничего не может сказать или вспомнить. Это состояние, возникшее у нее вслед за моим вопросом, показалось мне знаменательным, и я попросила ее вспомнить, возникало ли у нее раньше подобное состояние и с чем оно было связано. Она довольно быстро вспомнила и рассказала мне следующую историю. До замужества у нее был длительный и мучительный роман с человеком намного старше ее. В какой-то момент ее стали тяготить эти отношения: слишком много в них было ревности, обид, ссор. И она решила порвать со своим возлюбленным. Встречаясь с ним, она стала говорить, что не любит его и хочет расстаться. В ответ он обычно начинал доказывать обратное, убеждал ее, что не верит этому, что они любят друг друга т.д. Оля же, слушая его, впадала в состояние какого-то оцепенения, не могла найти подходящих слов, чтобы как-то возразить ему. Ее ощущение «ступора», возникшего на занятии: пустота в голове, невозможность раскрыть рот и

что-либо сказать – в точности напоминало ситуацию объяснения с этим человеком. На описываемой здесь сессии Оля сделала для себя настоящее открытие: «Мне трудно прояснить ситуацию до конца, особенно когда дело касается моих чувств, и вот почему: если все прояснить, то это будет выглядеть совсем не так, как я хочу, а прямо наоборот».

Следующая наша встреча была полностью посвящена проблеме Олиных чувств по отношению к другим людям и особенно к близким. Она подробно рассказывала о том, как ее преследует мысль, что она не достаточно сильно любит своих родственников, мало беспокоится о них. Она привела в качестве примера ситуацию, которая произошла за день до нашей встречи, сразу же после предыдущего занятия, на котором мы интерпретировали ее сон.

Она гуляла во дворе с ребенком. Он, как обычно, то и дело убегал от нее, а она злилась и ругала его, объясняя, какой он плохой. Вот он убежал в кусты на другом конце двора. Как только ребенок скрылся в них, туда же вошел мужчина, как показалось Оле, довольно подозрительного вида. И в этот момент она вдруг поняла, что не боится за своего ребенка, не боится, что с ним может что-то случиться, например, этот угрюмый мужчина украдет его, и она его больше никогда не увидит. Подумав об этом, она испугалась собственных мыслей – значит, она не любит своего сына. Именно этот, так сказать вторичный, страх – оказаться плохой, нелюбящей матерью – привел к тому, что она бросилась к дальнему концу двора и вытащила из кустов заигравшегося ребенка.

В переживаниях, связанных с этой ситуацией, можно усмотреть идею материнского могущества: отсутствие любви матери (в данном случае мать – она сама) убивает. Мать должна любить своего ребенка, чтобы с ним ничего не случилось. Но интересно, что все происходящее с ребенком в дневной фантазии – это вовсе погибель: из-за того, что он плохой и она его не любит, его похитит страшный мужчина. Здесь впервые в анализе появляется представление о том, что быть плохим «выгодно», ибо в этом кроется возможность избавления от материнского влияния через переход в руки другого человека – как можно с уверенностью предположить, в руки отца. Опираясь на эту гипотезу, можно проинтерпретировать невыполнение Олей летнего задания, ее запоздалый звонок мне после каникул как «плохое поведение», которое имеет тот же смысл. Напомню, что в сновидении о конкурсе, свидетельствующем о стремлении к психотерапии, она уступает свое место другим, т.е. будучи «хорошей», теряет возможность удовлетворить свое желание. Чтобы достичь желанного, нужно быть плохой.

В детских воспоминаниях отец Оли – плохой человек с точки зрения матери. Это значит, что и сама она, будучи плохой и не любимой матерью, не погибнет, а будет жить и жить с отцом. Возвращаясь к ситуации переноса, можно предположить, что, будучи плохой по отношению ко мне – не записывая сновидения, не звоня вовремя, она стремится завоевать

мою любовь, которая бессознательно символизирует любовь со стороны отца, поскольку, как часто бывает в психоанализе, на психоаналитика независимо от его пола могут проецироваться фигуры обоих родителей.

На следующем занятии Оля впервые заговорила об отце. Так, она вспомнила, что в 10-11 лет, когда она начала ездить сама к нему на каникулы, ей было очень плохо с ним. При этом она чувствовала себя виноватой за то, что относилась к нему недостаточно хорошо. Когда же я попросила ее привести для примера конкретную ситуацию, она вспомнила, как отец взял ее с собой в поход в горы. Туда же должны были приехать его друзья, и они каждый день ходили с отцом на почту, чтобы узнать, есть ли от них какие-нибудь вести. Рассказывая об этом, она вспоминала, что там ей было очень скучно с отцом, она постоянно злилась на него за что-нибудь, очень хотела, чтобы его друзья поскорее приехали, и при этом очень переживала по поводу того, что она так плохо себя с ним ведет. Вслед за этим воспоминанием последовало множество других, где Оля злилась на отца, грубила ему, обижалась, но старалась скрыть свои чувства.

Но, как только мы стали анализировать вышеописанную ситуацию и другие более подробно и я попросила Олю объяснить мне, за что же она злилась на отца, оказалось, что действительные ее переживания носили совсем иной характер. Так, она вспомнила, что, в сущности, злилась на него за то, что он невнимателен к ней, хотя и пыталась скрыть сама от себя свои реальные переживания. Ведь вместо того, чтобы довольствоваться обществом дочери, он с нетерпением дожидался приезда своих друзей, которые должны были разрушить их уединение в горах.

Оля вспомнила, что, возвращаясь с каникул, всегда с нетерпением ждала звонков от отца, живо интересовалась всем тем, чем увлекался он, постоянно стремилась продемонстрировать ему, какая у него умная и взрослая дочь. Но при этом она старательно скрывала это отношение к нему как от самой себя, так и от окружающих: часто спорила с ним по пустякам, огрызалась, говорила, что он ничего не понимает. Вполне естественно, что, осознав это, нужно было ответить на следующий вопрос: зачем же она, хорошо относясь к отцу, любя его, всячески стремилась продемонстрировать противоположное? Вместо ответа Оля вспомнила историю отношений со своим возлюбленным и сама же прояснила рассказанную ранее ситуацию. Она очень любила этого человека и боялась его потерять. Ей всегда хотелось заставить его любить ее как можно сильнее. Как только у нее появилось ощущение, что их отношения заходят в тупик, она стала сама угрожать ему уходом, провоцируя его таким образом на выражение любви. Когда же она получала это подтверждение, наступал ее черед сказать ему, как она его любит. Но это именно то, что она не могла сделать – как в этих отношениях, так и в отношениях с отцом. Возникал ступор. (Легко заметить, что ее возлюбленный, который был намного старше ее, символизировал

отцовскую фигуру в ее судьбе, и не случайно тема отца возникла в анализе лишь после того, как на «психотерапевтической сцене» появился этот человек.)

На этом этапе работы у меня возникла гипотеза, что проблема Оли совсем не в том, что у нее нет чувств или что она никого не любит, а в том, что ей трудно проявить свою любовь, у нее существует запрет на выражение позитивных чувств, который она не может преодолеть. Рассказывая дальше о своих отношениях с отцом, Оля сказала, что ей хотелось своим поведением добиться того, «чтобы он понял, какой он эгоист». Конечно же, это было воспроизведение слов матери об отце. Таким образом, в отношениях с отцом она как бы постоянно выполняла волю матери, стараясь быть хорошей по отношению к ней, но плохой по отношению к отцу, и в результате оказывалась одинокой, как в том сновидении. Стремясь быть хорошей и уступая свое место другим, она теряла то, чего действительно хотела, а будучи плохой по отношению ко мне (как к отцу), то есть провинившись тем, что не записывала сновидения летом и вовремя не звонила мне, она, на самом деле, демонстрировала любовь и привязанность к психотерапевту, замещающему в этот момент фигуру отца.

С этой точки зрения интересно проинтерпретировать ступор, возникший у Оли, когда я попросила вспомнить ситуации, где она, совершая «хорошие» поступки, теряла бы то, что ценила. В сущности, в ответ на это ей необходимо было бы заявить о позитивных чувствах ко мне, что для нее, исходя из структуры ее детской ситуации, было абсолютно невозможно.

Таким образом, можно сделать вывод, что детская ситуация этой пациентки, живо воспроизведенная в процессе терапии, была противоречива. Мать наложила запрет на позитивные чувства к отцу: быть эгоисткой – значило быть такой же, как отец, и любить отца, что ни в коем случае нельзя было испытать или показать, поскольку это грозило потерей любви матери, а последнее, в соответствии с фантазиями Оли, означало бы гибель. Но если бы она, с другой стороны, признала, что мать действительно права в своем отношении к отцу и к ней, и стремилась бы полностью соответствовать ее требованиям – это означало бы, что она не любит отца и полностью предаст его. Не случайно первые занятия с Олей характеризовались довольно странной ситуацией: Оля рассказывала мне, как мать стремится доказать, что Оля плохая и никого не любит, и при этом стремилась всячески продемонстрировать, насколько абсурдны и противоречивы претензии матери. Можно предположить, что таким образом она выражала свою преданность психотерапевту, поскольку он в этот момент явно выступал в качестве заместителя отца.

Таким образом, на материале этого случая видно, как негативное отношение к отцу со стороны активной, доминирующей и могущественной матери приводит к тому, что дочь начинает путаться в

определении собственных чувств – любовь означает нелюбовь, и наоборот. Происходит специфическое изменение типичного характера эдиповой ситуации: чувства к отцу становятся особо запретными, а роль матери возрастает.

Завершая это исследование одного фрагмента психоаналитического случая, хочется отметить, что такая ситуация во многом типична для нашей культуры, где отец часто оказывается вытесненным из семьи, его роль всячески принижается, он сам подвергается открытой и постоянной критике со стороны матери, по сравнению с которой он часто выглядит как пешка при королеве в разыгрываемой семейной партии. При этом ребенок становится полностью зависимым от матери, которая одна реализует практически все родительский функции. Однако в силу естественных законов развития девочка продолжает ориентироваться на отца, но тайно, что приводит к смещению реальных привязанностей, к переживанию субъективного отсутствия позитивных чувств или их недостаточности.

ЛИТЕРАТУРА

- Алешина Ю.Е., Волович А.С. Поло-ролевая социализация в современной русской культуре // Вопросы психологии, 1991, № 4.*
- Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Издание Г.А.Лемана и С.И.Сахарова, 1918.*
- Chodorow N. The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. – Berkeley, Calif.: University of California Press, 1978.*
- Friedman G. The Mother-Daughter Bond // Contemporary Psychoanalysis, 1980, 16 (1), 90-97.*
- Freud S. Some Psychical Consequences of the Anatomical Distinction between the Sexes (1925) // Strachey (ed. and trans.) The Standard Edition of the Complete Psychological Works of S.Freud. – L.: Hogarth Press, 1953-1974. – Vol. XIX.*
- Freud S. Female Sexuality (1931) // Strachey (ed. and trans.) The Standard Edition of the Complete Psychological Works of S.Freud. – L.: Hogarth Press, 1953-1974. – Vol. XXI.*
- Little M.I. & Flarsheim A. Toward Mental Health: Early Mothering Care // Giovachini P. Tactics and Techniques in Psychoanalytic Therapy, – N.Y.: Science House. 1972.*